

Ирина Гризова

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА

Долгие столетия философия представляла человека лишенным собственного лица: человека как род, как тип, как выразителя неких универсальных или конкретно-исторических черт, но его традиционная фигура была увенчана безликим пустым овалом. Первый серьезный удар по такому пластичному мышлению нанес XIX век с его пробудившимся особым интересом к человеческой духовности, а отсюда, вполне логично, – к индивидуальности, ибо именно она и является носителем духовности. В дальнейшем этот поворот совершал уже XX век, и во всех его философских системах и направлениях, феноменологии и экзистенциализме, в эстетике и этике, человек не только обретал индивидуальностные черты, но в самом его лице появлялась индивидуальностная реакция страха и бунта, гнева и смеха над самим им же порождаемыми социальными феноменами.

Думается, что философия долго и трудно через все тернии своей эволюции, через крайности основополагающих способов осмысления своих проблем идет к тому, чтобы приоритетное место в прогрессе цивилизации отдать индивидуальности. В какой-то степени это было предвосхищено еще Гегелем: «Мы никогда не перестанем и не можем перестать интересоваться индивидуальной целостностью и живой самостоятельностью, не перестанем испытывать в ней потребность, сколько бы мы ни признавали выгодными и разумными условия развитой организации гражданской и политической «жизни»» [3, т. 1, с. 204]. Да, необходимо существует в развитии индивидуальности взаимообусловленность, взаимосвязь ее с экономикой, культурой, политикой. На первый взгляд, кажется, перед нами неразрывный круг этого «взаимо». Но обратим внимание на факты, которые всегда существовали, но сегодня они очень уж значительно себя обнаруживают: далеко не всегда экономическое благополучие общества, наличие демократических свобод обуславливают расцвет индивидуальности, ее духовных потребностей и интеллекта. К сожалению, чаще бывает как раз наоборот. Так же как историческая необходимость в появлении ярких творческих индивидуальностей не является гарантом возникновения таковых.

Что же сегодня в планетарном масштабе и в нашем собственном обществе представляет собой индивидуальность, какие черты доминируют в этой сложной, внутренне противоречивой едва ли не важнейшей ипостаси человеческого существа? Сейчас в развитии и существовании индивидуальности наблюдаются опасные тенденции, ведущие к ее принижению и нивелированию. Стремясь проникнуть в существо какого-либо феномена, следует быть конкретным, т. е. выделить определенное свойство или определенное проявление, в котором достаточно полно выражается его сущность. Обозначенная тема статьи и является попыткой выделения такого.

Индивидуальности не везло долгое время не только как проблеме философского характера, но и как живой, трепетной, чувственной, мыслящей. Ей не везло как социальному феномену: она была забытой и заброшенной в грандиозных деяниях строительства капитализма и попытках построить социализм, она мешала своим инакомыслием и самим существованием своим тоталитаризму. Она была битой и загнанной в угол, когда сопротивлялась существующему порядку и она сама теряла себя, гибла, когда шла с ним в ногу. Но какой бы она ни была, во что бы ее ни превращали, без нее человечеству грозит превратиться в роботов. Потому и представляет интерес вдуматься в то, что представляет индивидуальность сегодня в сопряжении с одной из сфер человеческого духовного бытия, сферы высокого накала интеллекта, чувств, интуиции, ускользающего и обретаемого в усилиях мысли подтекста, в специфической сфере самосознания как самоутверждения, короче, – в сфере комических ситуаций и их восприятия. Это и стало основной целью данной статьи.

С понятием индивидуальности Вл. Соловьев связал характерную для русской философии идею всеединства («истинная индивидуальность есть некоторый определенный образ всеединства» [5, с. 114]): индивидуальность предполагает единство множественности, особый синтез универсализма и неповторимости, незаменимости, что необходимо ведет к ее целостности. «Человек вообще (и всякий индивидуальный человек в частности), будучи фактически только этим, а не другим, может становиться всем, лишь снимая в своем сознании и жизни ту внутреннюю грань, которая отделяет его от другого. «Этот» может

быть «всем» только вместе с другими» [5, с. 114]. Проблема Я и ТЫ сложилась как проблема отношения, предполагающего не только взаимосвязь, но и взаимодействие, вживание в «чужой» мир, присвоение его как своего собственного. М. Бубер особо подчеркивал универсальность и необходимость этого отношения, предполагающего «взаимость», как объединения в противовес оторванности: «через ТЫ человек становится Я» и «отношение Я – ТЫ обуславливает взаимность» [1, с. 24, 85].

Внутренний механизм самосозидания человека реализуется как в непосредственных результатах человеческой деятельности, так и в тех новых качествах, которые обретает мир, становясь относительно человека миром человека. В этом случае имеется в виду прежде всего мир ценностей, среди которых особое место принадлежит эстетическим. Комизм исторических событий, социальных ситуаций, поступков, поведения, образа жизни человека и общества и соответствующие формы его восприятия и осмысления, естественно, не совпадая, но в, той или иной мере, находясь в соответствии, – идентичны, что является основой их возможной связи.

Мне приходилось высказываться по поводу чувства юмора как своеобразного показателя развития интеллекта. Духовная сущность индивидуальности не сводима к одному интеллекту. Менталитет в единстве составляющих его компонентов, противостояние и взаимопроникновение Я и ТЫ, непреодолимая и непредсказуемая в своем выражении субъективность, историчность и беспредельность времени в единении с значительностью и непредсказуемостью сиюминутности – эти параметры индивидуальности, будь то субъект-индивид или субъект-общество, являют собой внутренний сплав составных специфических черт, образующих сущность комического. Идентичность комического его восприятия осуществляется через идентичность прообразу – индивидуальности. Они относятся и реализуются в дальнейшем в «смехе».

Смех, отражающий и самую суть времени и в том же времени ее осмысление, представлен индивидуальностью, сложность существования которой заключается в том, что она может жить, в отличие от исторического времени личности, в разных срезах своего индивидуального времени – в прошлом,

настоящем, будущем и соответственно этому представлять смех не в форме теоретических рассуждений или эстетического понимания, а в форме своего субъективного существования, в форме самой жизни. В таком плане понятие смеха во многом близко к тому, что имел в виду М. Бахтин под термином «смеховая культура». Но понятие смеха, думается, больше сориентировано на «бесконечную внутреннюю субъективность» (как определял индивидуальность Гегель), на специфичность времени индивидуальности.

Универсальность отношения между Я и Ты предполагает возможность в данных ролях различных по сути своей субъектов, но то ли индивиды, то ли определенные социальные группы обретают в нем статус индивидуальности. Это можно объяснить тем, что отношение Я–Ты не сводимо к какому-то одному показателю, социальному или психологическому, чувственному или рациональному и т. п. Это целостность всех параметров, определяющих именно индивидуальность. С этим сопряжена мысль о том, что только равные смеются между собой и ни в чем не обнаруживается характер людей так, как в том, что они находят смешным (Гете). Но, согласно закономерности идентичности смеха и индивидуальности, находят смешным как раз то, что априорно присуще самому субъекту, возможно и не сознающему этого или не желающему сознавать.

У А. Бергсона комическое возникает как «накладка мертвого на живое» («о смехе в жизни и на сцене»), т. е. как возникающее противоречие косности и статичности животворящему духу развития. Природа подлинной индивидуальности с присущей ей непредсказуемостью, вариативностью чужда косности и застою. Потому индивидуальность и является детонатором взрыва, неординарности и часто неожиданности в своем варианте, т. е. отличается как раз теми особенностями, которые определяют существо смеха.

Одним из важнейших проявлений индивидуальности является активность ее самосознания, а самосознание находит себя в самополагании при одновременном противопоставлении другому. Смех – это внутреннее осознание самого себя, своей силы и способности к противоборству как к самоутверждению.

Индивидуальность незамкнута, ее существо не может быть подвергнуто строгой нормативности, она неповторима и

невозместима, она – смех-мгновение, который, отделившись от нее, может стать исторической вехой, она – шут и король одновременно, она – живое человеческое лицо, которое смеется и плачет над своей судьбой и судьбой человечества. Смех – это особая внутренняя картина мира, воссоздающая мир в отношениях к нему человека, это индивидуальность в своей сущности и структуре реализуемая в смехе и в то же время выделяющаяся из него.

Интегративные тенденции нашего времени как выражение исторической необходимости в экономике, политике, науке в целом при условии честности и благонадежности, несомненно, важны и даже глобальны по своей значимости. Отчасти они коснулись и духовной культуры. Но как раз в сугубо специфических ее сферах, таких как нравственность, искусство, религия принцип взаимопроникновения часто вообще не срабатывает, либо ведет к негативным последствиям. Упрощение качественного своеобразия, незаменимости и неповторимости индивидуальности возникшее значительно более века назад, особо было усилено социальными причинами, такими как смещение смысла и значимости духовных ценностей в сторону финансовых, как обесценивание самой жизни и целостности индивидуальности. Одним из следствий является «однополушарность» мышления, утверждение его стандартизации и при позитивном интересе к изучению иностранных языков – бедность и заштампованность речи, появление одинаковости потребностей духовного порядка. В конечном итоге существует тенденция вытеснения того, что по сути своей, по природе своей именуется индивидуальностью и тем самым утверждается тип «усредненного» человека, теряющего свою многоликость.

Суть и результаты этих потерь индивидуальности можно как раз проследить на примерах того, что же доминирует сегодня в смеховой культуре человечества и нашего общества, в частности, над чем и как смеется сегодня большинство, представляя ту односторонне и негативно выразимую индивидуальность, о приходе которой еще в начале XX века предупреждал в своих известных статьях В. Мережковский.

Стандартизация человека, усредненность индивидуальности, обедненность ее духовного мира, превращение

идеалов в идолы ведет соответственно к тому, что в смехе теряется интеллектуальное начало, пропадает значимость смысла, упрощается структура логико-эмоциональных связей. Следствием разрушения индивидуальности является то, что смех, смеховая культура общества становится адекватной тому, что Ф. Ницше называл «инстинктом посредственности» [4, с. 924].

Смех обладает общечеловеческой, социальной ценностью, превращается в образ жизни, в смеховую культуру, когда он сопряжен с глубиной утверждаемой мысли, особо чувствуемой мысли, когда он, что особенно важно, сопряжен с важнейшими продуктивными механизмами самого процесса мышления. Смех, рожденный не в своей стихии, по мысли Л. Фейербаха, может быть лишь «суррогатом мысли». Вместо разрушения стереотипов происходит утверждение таковых. Тем самым отпадает необходимость мыслить и сама потребность в мышлении.

Утрата индивидуальностных черт ведет к унификации «смеховых ситуаций», к упрощению конструируемых связей, в преобладании поверхностных и прямолинейных, что исключает роль и значимость подтекста. Торжество «инстинкта посредственности» превращает смех в то, что составляет суть такой индивидуальности и соответствует ей в своей банальности и схематичности. Стереотип индивидуальности оказывается равным стереотипу смеха, что детерминировано их внутренней изоморфностью.

А. Шопенгауэр в своих «Афоризмах житейской мудрости» определил вульгарность как явление, при котором желания преобладают над познавательной способностью человека. Преобладание желания смеяться без потребности и желания думать ведет к пустоте и вульгарности смеха, бессмысленности единичной ситуации. Так же как индивидуальность теряет себя, выпадая из отношения Я и ТЫ, через абсолютизацию своего Я, смех гибнет в адекватной ситуации – абсолютизации смеха. У Гегеля находим: ирония теряет себя, когда «пробавляется лишь шуткой ради шутки» [3, т. 1, с. 307]. Следовательно, процесс мышления, принцип мышления как особого рода выражение его эстетического характера, при аналогичных ситуациях разрушается.

В самой природе индивидуальности, в специфике реализации в ней отношения Я – ТЫ, в особенностях ее

внутренних противоречий – источник и обоснование ее непрерывного изменения и развития. Разрушение, подавление индивидуальности вызывает уничтожение феномена смеха, ибо он невозможен вне конкретности своего существования («стихий») и развития, вне взаимосвязи и взаимоперехода в иного рода ситуации (трагические и трагикомические). Уничтожение индивидуальности ведет к уничтожению смеха, соответствующей специфики образа жизни. Индивидуальность и смех идентичны по своей природе, по своей сущности и структуре, по месту и значимости в социальной системе. В смехе задействованы все сущностные силы человека в их создаваемой именно сущностью индивидуальности форме. Именно через свою внутреннюю бесконечную субъективность (Гегель) индивидуальность объективирует смех, реализует слитность общего и индивидуального (единичного) в непосредственной чувственно-рациональной форме социальной и эстетической ценности: «юмор, охватывает объект и его формирование в рамках своего субъективного отражения, проникает внутрь предмета и становится тем самым как бы объективным юмором» [3, т. 2, с. 320].

Что же в нашей жизни вызывает разрушение единства, слитности составных компонентов, самого функционирования индивидуальности и смеха, каковы причины? Во-первых, самый распространенный и самый тривиальный принцип: проще, легче и удобнее, если не думать, т. е. не усложнять мыслью смеховые ситуации. Не этому ли принципу служат сегодня многие телевизионные шоу, да и не только телевизионные, являя собой скудость мышления, безвкусицу, тому же служит предоставление экрана так называемым народным анекдотам (рубрика), где ничего нет от подлинно народного юмора. Что выигрывает зритель, когда на смену убийствам, крови и зубастым чудовищам, приходят на телеэкран «комические» ситуации и персонажи, отличающиеся примитивизмом и часто пошлостью, когда за кадром раздается фонограмма смеха, ибо, как чувствуют, видимо, сами телевизионщики, нормальному зрителю не может представляться смешным то, что ему преподносят. Нас часто пытаются смешить СМИ. Иногда, правда, выглядят как анекдоты вещи весьма серьезные и не рассчитывающие на обретение такого оттенка. Но не о них здесь речь. Речь о специальных рубриках, где часто неумно

и безвкусно, переходя границы, впадают в примитивизм и вульгаризм. И самое страшное то, что бездумный смехотворный в прямом смысле ширпотреб отучает не только думать, но и испытывать потребность, желание в таком процессе. И отсюда формируется неспособность проникнуть в глубину подлинного комизма и соответственно смех перестает утверждать силу, что предписано ему его природой, а демонстрирует пустоту, в которой невосполнимо теряется ум и человеческая индивидуальность. Так, разрушение индивидуальности в «несостоявшемся смехе», в свою очередь, ведет к разрушению другой в ориентации на бездумного, поверхностного в своем восприятии и нетребовательного зрителя, читателя.

Смех не только сила в преодолении зла, тупости, глупости, хамства и т. п. пороков человечества. Его отсутствие, его «суррогат», выражающий того же рода индивидуальность, – это тоже сила, в свою очередь, убивающая мыслящую индивидуальность, обрекающая ее на не востребованность. Запрет на смех, убийство смеха, по сути, всегда были убийством индивидуальности, что непосредственно сказывается на развитии общества в целом, на его духовной культуре.

И, наконец, смех как индивидуальность во всем многообразии ее составляющих, есть выражение меры и степени ее внутренней свободы, вне которой не может сложиться и существовать свобода общества. Те отличительные особенности индивидуальности, о которых шла речь выше, позволяют говорить, что индивидуальность оказывается несостоятельной вне свободы их обретения и обнаружения. Точно так же теряет себя смех, если он не свободен, ибо в таком случае в нем потеряна свободная индивидуальность, т. е. подорвана его внутренняя основополагающая суть: «В смехе я видел освобождающее начало, возвышающее над властью обыденности» [2, с. 311].

1. Бубер М. Два образа веры. – М., 1995.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. – М., 1990.
3. Гегель Г. В. Эстетика. В 4-х томах. – М., 1968–1973.
4. Ницше Ф. Сумерки идолов или как философствуют молотом // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.–Х., 1998.
5. Соловьев В. С. Смысл любви // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991.